

МЫ с моей младшей сестрой Мижану росли в среде крупной буржуазии. У нашего отца была фабрика сжиженного газа. Он ненавидел немцев. Во время второй мировой войны наша семья поселилась в Париже на Рю де ла Пом. И я пошла учиться в престижную частную школу. Три дня в неделю я ходила на общеобразовательные уроки, а другие три дня занималась в балетной школе.

Один из дней в годы войны я никогда не забуду. Родителей не было дома. Сестра и я, играя в индейцев, разбили ценную вазу из китайского фарфора, которую маман берегла как зеницу ока. Когда папа и маман вернулись домой, мы получили от отца по двадцать ударов плеткой по заднему месту. А маман ледяным голосом сказала: «Теперь вы больше не наши дети, а чужие. И как чужие вы будете обращаться к нам на «вы!»»

Мне было семь с половиной лет, Мижану — четыре. Тогда у меня впервые появилось чувство заброшенности, отчаяния и смертной тоски, которое больше не покидало меня всю жизнь.

Глядя в зеркало, я плакала. Уродливая, близорукая, с выдающимися вперед зубами — я слишком долго сосала палец — очковая змея. К счастью, скоба для исправления прикуса не помогла, и у меня сохранились «заячьи зубы», иначе никогда не существовали бы известные всему миру пухлые губы.

Катастрофа! Актриса в семье

ОДНАЖДЫ, в начале 1949 года, когда мне исполнилось четырнадцать лет, мое изображение появилось в одном из журналов молодежной моды. Как «юной леди из хорошего дома» мне не заплатили, но я была горда. Без очков и зубной скобы я выглядела прелестно. Элен Лазаревф, издательница женского журнала «Эль», увидела мои фотографии, и в 1949 и 1950 годах я дважды появлялась на обложке.

Мое лицо маячило во всех газетных киосках. Судьба сказала свое слово. Марк Аллегре, тогда один из ведущих французских кинорежиссеров, обратил на фотографии внимание и предложил встретиться.

Катастрофа! Актриса в семье — немыслимо. Семейный совет проходил под председательством моего дедушки. В конце концов он стукнул кулаком по столу и воскликнул: «Если малышка захочет стать потаскухой, то она станет ею с кино или без него. Если же не захочет, то и кино не заставит. Дадим девочке шанс».

Стрелки на моем пути были переведены. Когда с маман я пришла к Аллегре, меня принял его ассистент Роже Вадим. Я была ужасно робкой девушкой, хотя и очень самолюбивой. Меня охватила паника. Аллегре рассказал маман, что мне придется делать. Вадим молчал и казался мне диким волком. Он пристально рассматривал меня, одновременно смущая и притягивая. Вадим — его настоящее имя Владимир Племянников — хотя и считался представителем левой богемы, но был все же сыном русского консула во Франции.

Во время кинопроб я чувствовала, как меня буравят сотни глаз. Было в пору зареветь, я ощущала себя не в своей тарелке.

Когда прожекторы погасли, Вадим предложил проводить меня домой. Родители уже сидели за столом. Сначала возникло отчуждение. Но их хорошие манеры взяли верх, и Вадима, который в своем поношенном свитере и с длинными волосами выглядел как цыган, пригласили к нашему господскому

обеду с серебряными столовыми приборами, свечами и дворецким. Когда мы пили кофе, я слышала, как маман шепнула дворецкому, чтобы пересчитали серебро.

Фильм, правда, Аллегре так никогда и не снял, но Вадим и я продолжали встречаться у нас дома, потому что в свои пятнадцать с половиной лет я не могла одна выходить на улицу. Однажды я решила прогулять школу, чтобы посетить Его на его холостяцкой квартире. Я еще никогда по-настоящему не флиртовала, никогда по-настоящему не целовалась и ничего не знала о любви. Будет ли у него шампанское?

Я испугалась своего отражения в магазинной витрине: о Господи, до чего же у меня мешанский вид: голфы, плиссированная юбка, вязаный пуловер

Брижит Бардо: ГОЛУБЬ НА ЛАДОНИ

ОТРЫВКИ ИЗ
МЕМОАРОВ
ЗНАМЕНИТОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ
АКТРИСЫ

и «лошадиный хвост» на голове.

Дверь в его квартиру открылась от легкого толчка. В маленькой комнате, где стояли только две огромные кровати, было совершенно темно. Вадим лежал на первой кровати и спал глубоким и крепким сном, так же, как и молодой человек на другой кровати. Потерпеть такое фиаско при первом же любовном свидании! Вернуться в школу я не могла, для этого было слишком поздно. Идти домой — слишком рано. Я не знала, куда деваться, присела на кровать Вадима и начала плакать. Наконец я обнаружила, что одетая лежу под одеялом.

В этот день я так и осталась одетой. И нетронутой. Но я сделала открытие — спящий мужчина совершенно другой, чем бодрствующий, потому что, пока Вадим спал, я изучила его тело и заметила разницу, когда он проснулся.

На следующий день соседняя кровать была пустой, и на этот раз я оказалась совершенно голой в его постели и освобожденной от бремени девичества. Я ощущала себя женщиной, полной превосходства и силы. Я поняла: жить стоит только ради любви. И систематически начала пропускать школу.

Отец, естественно, узнал о моих прогулах и объявил, что до совершеннолетия меня отправят в интернат в Англию. Меня охватил холодный гнев. В один из вечеров родители ушли в театр. Когда они вернулись, то нашли меня без сознания на кухонном полу. Рядом лежало прощальное письмо. В свои шестнадцать лет я отважилась открыть газ и сунуть голову в духовку.

От английского ада я избавилась, но выйти за Вадима замуж мне не разрешили. Родители ни на секунду не заподозрили, что я могла быть его любовницей. Хотя мы занимались любовью, когда их не было дома, даже посреди нашей гостиной, потому что оттуда слышно, как идет лифт.

Через месяц после начала съемок моего первого фильма я с ужасом поняла, что забеременела. Я чувствовала себя абсолютно больной. Родители отправили меня на отдых в Межев. Там мы встретились с Вадимом. Затем я уехала в Швейцарию, сделала аборт и верну-

лась в Межев. От осложнений после операции я чуть не умерла. С тех пор я стала считать беременность карой небесной.

Прошло почти три года, и родители наконец согласились на мой брак. 21 декабря 1952 года мы обвенчались. Теперь я могла на законном основании спать с Вадимом.

Критические отзывы о моих первых двух фильмах были столь уничижительными, что при одном только упоминании моего имени двери киносъемочных фирм тут же захлопывались. Мне нужен был агент, который бы действительно помог мне и сам был бы достаточно известен. Так я нашла Ольгу Орсти, которая после короткой проверки взяла меня к себе в «конюшню». «Мама Ольга» стала моей второй матерью. Она всеми силами содействовала моей карьере.

Конечно, прежде чем стать символом «вечно влекущей женщины», мне еще предстояло выдержать некоторые испытания. Таблеток, позволяющих предупредить беременность, еще не существовало, а другие методы были не совсем надежными. Все время я то вперед, то назад отсчитывала дни месяца и по ночам размышляла, можно ли мне исполнить свои «супружеские обязанности». Поскольку счет в уме никогда не был моей сильной стороной, и я всегда имела слабость любить любовь, я снова забеременела.

Так как я была замужем, то никакой катастрофы, собственно, и не произошло. Но никогда в жизни у меня не возникало желания стать матерью. Я не хотела ребенка. Лучше уж сразу покончить с собой. Кроме того, мне необходимо было работать. Если теперь остановлюсь, то можно сразу складывать вещи.

Вадим согласился со мной, что надо делать аборт. Но тогда за него полагалось тюремное заключение. Я нашла кое-кого в грязной квартире рабочего квартала. Там, в антисанитарных условиях, я позволила произвестить над собой «операцию». После этого пришлось вызывать карету «скорой помощи», которая отвезла меня в клинику на срочную операцию.

Французский сексуальный котенок

Для нашей картины «И Бог создал женщину» (1956) Вадим в качестве продюсера привлек Рауля Леви. В те времена я комфортно ощущала себя только в том случае, если волосы у меня были распущены, я бегала босиком и вообще выглядела так, будто недавно вылезла из постели. В один

прекрасный день я решила, что другие должны принимать меня именно такой, а иначе я не буду их принимать. Поскольку отныне меня никто не мог удержать словами «так не делают!», я делала именно то, что «не делают».

Во время кинофестиваля в Канне в 1956 году мы надеялись наскрести денег на наш фильм, который хотели сделать цветным. В то время Курд Юргенс уже был звездой. Пригласи его режиссер на любую роль, и от спонсоров не было бы отбоя. Поскольку нам не удалось раздобыть необходимые деньги, Вадим и Рауль Леви за одну ночь написали роль для Курда. Оба блестяще владели искусством убеждать. Звезда за большие деньги продал им из своего расписания десять съемочных дней. Имя Курда Юргенса открыло перед нами все двери и кошельки. В моей жизни этот фильм совершил решающий поворот.

Съемки велись в Сен-Тропе, где позже я приобрела себе дом и нашла вторую родину. Так как в любовных сценах со своим партнером Жан-Луи Трентиньяном я должна была вести себя как можно естественнее, вполне естественно стало то, что я влюбилась в него.

После премьеры отзывы во Франции были очень сдержанными. Франсуа Трюффо считал неудачным подбор актеров, за исключением Юргенса. Критик Поль Ребу нашел, что я выгляжу и говорю как неграмотная служанка. В кинотеатрах на Елисейских полях фильм демонстрировался лишь половину того срока, который был предусмотрен в договоре о прокате. Оставалась надежда лишь на то, что он будет лучше принят за границей.

Ожидания не обманули. В Соединенных Штатах фильм произвел настоящий фурор. Рецензии оказались превосходными, и в одночасье я стала самой известной французской во всей Америке. Картина принесла около восьми миллионов долларов. Вадим, с которым я к тому времени уже развелась, был объявлен лучшим режиссером последнего десятилетия, а меня назвали «звездой номер один» и «французским сексуальным котенком».

Несмотря на неожиданную славу, я могла думать только о Жан-Луи, которого после съемок призвали в армию. Франция вела войну в Алжире. Я переживала за него и вынашивала мысль о самоубийстве, поскольку не могла жить без него. Мне всегда был нужен кто-то, ради кого или благодаря кому я могла жить. Хотя меня считали символом «освобожденной» женщины, в действительности же, когда я была по-настоящему «свободной», я чувствовала себя совершенно одинокой.

Теперь все искали моего общества. «Мама Ольга» и Рауль Леви предложили мне множество новых ролей. Благодаря кино у меня постепенно появились деньги, и я могла себе позволить отдать десять миллионов старых франков за квартиру на улице Поль-Думье. Однако я никогда не была актрисой до мозга костей.

Режиссером фильма «Через Париж» был Клод Отан-Лара. Одна лишь мысль о съемках с Жаном Габеном повергла меня в панику. Впервые в жизни мне предложили важную роль в серьезном фильме, в котором моими партнерами должны были стать известные всему миру опытные актеры и который к тому же снимал режиссер, не знавший снисхождения.

Примерно в это же время мне позвонил Жильбер Беко. Он хотел, чтобы вместе с ним я снялась в небольшом телевизионном шоу, которое должно было передаваться под Новый год. Я согласилась. Мы встретились. И между нами возникла любовь с первого взгляда. Я была молода. Во мне кипела жажда жизни, не терпевшая никаких границ и компромиссов. Постоянные компромиссы — это смерть, а я не хотела ничего иного, кроме жизни.

Жиль был женат. Поэтому, когда я сопровождала его из Женевы во время турне, мне пришлось с помощью капюшона и темных очков стать «невидимой». Во время его концерта меня из гардеробной вытолкали в крошечный туалет, «попросив» подождать там, пока не исчезнут журналисты, фотографы и всевозможные друзья. Потом погас свет. Театр закрыли, и я оказалась в плену. Я плакала от бешенства, бессилия, отчаяния и усталости. Тогда я дала себе клятву никогда больше не встречаться с женатыми мужчинами. Никогда больше не хотела оказаться запертой в сортире.

Должна честно признаться, что меня освободили. Но на следующий день поездом я вернулась в

Маленькая балерина (1942).

Париж и навсегда оставила Жильбера Беко. Наполеон был прав: «В любви существует единственный вид победы — бегство».

В начале 1959 года впервые заговорили о «новой волне» и о молодых режиссерах и актерах, которые создавали этот стиль. Хотя мне было только 24 года, я чувствовала, что принадлежу к «старикам». Жан-Люк Годар, Франсуа Трюффо, Клод Шаброль делали фильмы, которые были совершенно иными, чем фильмы других режиссеров. Музами нового направления стали молодые актеры Жан-Клод Бриали и Жак Шарье. К счастью, один из «новых», Жак, стал моим партнером в фильме «Бабетта идет на войну» (1959). Он был романтичен, красив, хорошо воспитан. К тому же сын полковника. Чего большего можно пожелать для роли

6.11.96.
Bardot B.